

ЮРИДИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ: ОСОБЕННОСТИ ИХ ВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТЬЮ АВТОРА

Law Nominations in a Literary Discourse: Peculiarities of Their
Perception by a Language Personality of an Author

Вероника Викторовна Катермина
katermina_v@mail.ru

Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Veronika Katermina
katermina_v@mail.ru
Kuban State University (Krasnodar, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 13.10.2017

Fecha de evaluación: 17.12.2017

Cuadernos de Rusística Española nº 13 (2017), 169 - 180

ABSTRACT

The article is devoted to the description of law nominations in a literary discourse and the peculiarities of their perception by a language personality of an author on the literary works by Ch. Dickens and N.V. Gogol. The idea of the language personality as a full representation of a personality of a creator including psychic, social and ethical components interpreted through the language and discourse of the texts is considered to be the basic idea.

Keywords: law nominations, literary discourse, perception, language personality, Ch. Dickens, N.V. Gogol.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена рассмотрению юридических номинаций в художественном дискурсе и особенностям их восприятия языковой личностью автора в произведениях Ч. Диккенса и Н.В. Гоголя. В статье подчеркивается, что авторская языковая личность – вид полноценного представления личности творца, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический компоненты, но преломленные через его язык, дискурс его текстов.

Ключевые слова: юридические номинации, художественный дискурс, восприятие, языковая личность, Н.В. Гоголь, Ч. Диккенс

Введение

Каждой науке, каждой отрасли знаний присуща собственная терминология, которая отражает характерные особенности и свойства предмета познания и регулирования. Юридический язык выполняет свойственную ему функцию – отправления правосудия, однако в «чужом» функционально-стилевом контексте он ярко проявляет себя и становится значимым. В художественном произведении писатель использует рассматриваемое свойство словесных знаков для изображения обстановки действия и речевой характеристики персонажей.

Юридическая терминология вскрывает не юридическую, а философскую, психологическую, культурную, духовно-нравственную сущность происходящего, осмысливаемую сквозь призму эстетических категорий. Фактография событий в художественном произведении – не самоцель, а средство осмысления бытия с позиций человеческих ценностей. Как сами художественные образы, так и слова, с помощью которых они создаются, содержательно и функционально не тождественны прототипам. Это относится, в частности, и к юридической терминологии, вовлеченной в художественный процесс. В тексте художественного произведения юридические термины наполняются новым идейным, этическим и эстетическим содержанием.

Под юридическими номинациями в данной работе нами будут рассматриваться коннотативно осложненные лексические и фразеологические единицы, называющие человека по каким-либо признакам, качествам, свойствам, а также свободные сочетания, в которых функционируют слова-номинации, обеспечивающие синтагматические приращения их значения.

Цель работы – показать функционирование юридических номинаций как отражение действительности языковой личностью автора в художественном тексте в произведениях Н.В. Гоголя и Ч. Диккенса.

1. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В настоящий период, когда языкознание квалифицируется как лингвистика антропоцентрическая, одним из основных объектов изучения в данной науке становится языковая личность.

Личность как совокупность социально значимых духовных и физических качеств индивида в лингвистическом аспекте рассматривается как речевая, идиолектная личность, личность коммуникативная и личность языковая, этносемантическая. Под речевой личностью понимается человек – носитель речи, обладающий способностью к использованию языковой системы в целом в своей деятельности (Богин 1975, 3; 1986, 3). Языковая личность трактуется также как «совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения – личность коммуникативная» (Сухих, Зеленская 1997, 64). Под личностью собственно-языковой может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе языка базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре.

Языковая личность характеризуется не только степенью владения языком, но и выбором – социальным, личностным – языковых средств различных уровней, а также видением мира, определяемым языковой картиной, сложившейся в данном языке. Кроме того, говорящий создает свою собственную языковую картину мира, которая становится основой разнообразных авторских приращений значений языковых единиц – «значений говорящего». Положение о создании «значений говорящего» особенно актуально, когда речь идет о творце художественного текста – большом художнике, который чувствует «странный смысл слов» (Ю.Тынянов) и строит на

основе этих «колеблющихся» «мерцающих» значений смысловую основу текста. (Катермина 2016, 34).

Проблема определения сущности статуса понятия «языковая личность» обостряется при выборе текста художественного произведения объектом лингвистического исследования. Круг вопросов, возникающий в связи с подробной постановкой проблемы, связан с определением сущности соотношения понятий «языковая личность», «автор», «образ автора». Можно сделать вывод, что автор, конкретный индивид, творя художественное произведение (вступая в коммуникацию, т.к. художественное произведение существует для читателя и реализует авторскую потребность в общении), создает свой образ, возможно, даже не осознавая этого. Каждое художественное произведение содержит образ автора. Этот образ демонстрирует то или иное представление об индивиде, его написавшем.

«Сокровенная тайна воздействия художественных образов на писателя как раз и состоит в восприятии их как лиц вполне реальных, как лиц, взятых прямо из жизни» (Караулов 1987, 30). Таким образом, автор как индивид, обладающий определенной партитурой национального языка, на котором написано художественное произведение, представляет собой определенную языковую личность.

Сложность изучения языковой личности автора состоит в том, что писатель выступает в своих произведениях не как единая целостная языковая личность, а как множество говорящих и понимающих личностей. В этом случае речь идет не о языке индивидуальности, а о языке соответствующей эпохи (Бахтин 2000). Индивидуальный языковой колорит определяется «характером отображаемой автором действительности, особенностями избираемой тематики, специфическими чертами персонажей», однако «тезаурус личности, как способ организации знаний о мире, имеет явно выраженную тенденцию к стандартизации его структуры, к выравниванию ее у разных членов говорящего на одном языке коллектива, при одновременном произволе в способах ее субъективации, индивидуального присвоения» (Караулов 1987, 172).

Мы считаем, что сущностные особенности языковой личности писателя можно выразить двумя положениями: во-первых, языковая личность писателя-творца индивидуализирована, во-вторых, она существует не в вакууме, а в рамках национальной картины мира и может реализовать индивидуальные черты только на общем концептуальном фоне.

Исследуя язык писателя или отдельного его произведения с целью выяснить, что представляет собой этот язык в отношении к господствующему языковому идеалу, характер его совпадений и несовпадений с общими нормами языкового вкуса, мы тем самым «вступаем уже на мост, ведущий от языка как чего-то внеличного, общего, надиндивидуального, к самой личности пишущего» (Винокур 1959, 237).

Проблема авторского видения картины мира, по мнению Д.М. Поцепни, должна решаться с учетом трех аспектов:

1. Важнейшие художественные идеи и понятия цикла в их словесной реализации. Этот аспект подразумевает выявление: а) мотивов; б) градации мотивов; в) ключевых слов; г) семантических полей эстетически действенных слов; д)

«соотнесенности с философскими и литературно-эстетическими исканиями порубежной эпохи» (Поцепня 1997, 227).

2. «Образ языка» произведения. Второй аспект подразумевает: а) описание лексики «цветообозначения», т.е. «цветописи» писателя; б) отношение автора к тропам, т.е. «к системе характерных для него тропов в соотношении с теми пластами лексики, которые окажутся вовлеченными в образные контексты» (Поцепня 1997, 233) (лексика быта, сравнения, эпитеты и т.д.).
3. Эмоциональный тон повествования подразумевает «характеристику эмоционально-оценочного компонента авторской картины мира.

Языковая личность писателя формируется под влиянием констант, поэтому они находят свое выражение в художественном тексте. В любом художественном тексте встречаются слова, несущие дополнительную смысловую нагрузку, окруженные особым коннотативным ореолом и нередко получающие символическую функцию.

Выявление эстетически действенной лексики в художественной речи писателя связано с осмыслением идейного содержания его творчества.

Важно отметить, что в процессе анализа языковой личности писателя необходимо учитывать и позицию автора по отношению к изображенному, которая должна определяться по тому, как «изобразена наружность, дает ли автор цельный трансгредиентный образ ее, насколько живы, существенны и упорны границы, насколько тесно герой вплетается в окружающий мир, насколько полно, искренне и эмоционально напряженно разрешение и завершение, насколько спокойно и пластично действие, насколько живы души героев. Только при соблюдении всех этих условий эстетический мир устойчив и довлеет себе, совпадает с самим собою в нашем активном художественном видении его» (Бахтин 2000, 208).

Художественное произведение всегда отмечено авторской индивидуальностью, его индивидуальным стилем, получившим название идиостиля. Авторская индивидуальность проявляется, прежде всего, в организации текста по принципу индивидуальной образности (Болотнова 2004, 132–133). Именно индивидуальная образность «делает словесное произведение произведением искусства» (Шмелев 1964, 17). Поскольку «изобразительная функция образности сочетается с когнитивной (познавательной)... образные средства актуализируют стоящие за языковыми единицами концептуальные структуры и конденсируют знания о мире» (Николина 2003, 77).

В процессе создания художественного текста автор стремится запечатлеть актуальное для него содержание, личностный смысл. Основой творческого акта является мыслительный процесс. Таким образом, реалии, предметы служат для него мотивом, а результатом является фиксация вышеупомянутого личностного смысла в языковых единицах.

2. Н.В. ГОГОЛЬ И Ч. ДИККЕНС КАК ЯЗЫКОВЫЕ ЛИЧНОСТИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО НАРОДОВ

Н.В.Гоголь и Ч.Диккенс – в развитии литературы этими двумя именами обозначена такая повествовательно-стилистическая перестройка, после которой

слово на книжной странице стало другим, чем было прежде. Поэтому говорить о Н.В.Гоголе и Ч.Диккенсе – это значит затрагивать природу литературы, ее коренные особенности.

Изучению творчества этих двух глубоко национальных писателей, выразителей языкового сознания русских и англичан, посвящены целые монографии и отдельные статьи. На их взаимосвязь, в частности, указывают А.А.Елистратова (1972), Д.М.Урнов (1988) и др.

Имена Н.В.Гоголя и Ч.Диккенса были поставлены рядом еще при жизни обоих писателей. Их стали сопоставлять и сравнивать сразу, как только того и другого достаточно узнали.

«Живое описание» отметил А.С. Пушкин в повестях Н.В. Гоголя прежде всего. Это впечатление было изначальным и единодушным, на него указывали даже литературные противники. Друзья и враги, как Ч. Диккенса, так и Н.В. Гоголя, оценивали это впечатление по-разному, однако неизменно говорили о нем. В отношении Ч. Диккенса это выразил его критик-современник Дж.Г. Льюис. Предъявляя Диккенсу целый ряд претензий по части вкуса, глубины, достоверности, он тем не менее признавал, что «живая выразительность» диккенсовского повествования торжествует над любыми контрдоводами. Впечатление поразительной, двойной жизненности: перед умственным взором читателя оживает не только то, о чем повествуется, но и повествование само по себе оказывается удивительно живым, а в результате – сплошная жизненность текста (Урнов 1988).

В гоголевской картине мира накопление количества «пошлости» – это уже значимый фактор, вызывающий в читательской реакции (и параллельно в смене точек зрения повествователя) неожиданный переход. Переход веселого, легкого, беззаботного смеха – к грусти, печали, тоске. Это как бы горизонтальное проявление того закона, который в сопряжении имен и фактов различных «рядов» действовал вертикально (Манн 1988).

Самое сходство между двумя глубоко национальными писателями – интереснейший факт, достойный исследования и в значительной мере исследованный. Здесь есть и движение от общих пунктов литературной ориентации, и некоторое косвенное соприкосновение и, главное, решение общих, современных им литературных задач.

Говоря о гоголевско-диккенсовском повествовании и мире, конечно, нельзя иметь в виду только сходство: разница между двумя крупнейшими писателями велика. Как уже было сказано, речь идет об одной, но фундаментальной, поистине эпохальной особенности их повествования, столь же существенной, долгодействующей и разносторонней по своим последствиям, как описательная детализация Д. Дефо или толстовская «диалектика души». Если развитие повествовательных средств сравнить с техническим прогрессом, то это равноценно изобретению принципиально нового способа передвижения. Такое творческое открытие Н.В. Гоголь и Ч. Диккенс совершают практически одновременно, как бы соединенными силами; они добиваются в принципе одного и того же результата, а именно – вещественно-выразительной оформленности каждого повествовательного компонента, предмета, объекта, будь то фигура речи, некое блюдо или состояние духа (Урнов 1988).

3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Важность номинации, поиска вербального соответствия тому или иному факту действительности для познания окружающего мира и осознания себя в нем переоценить трудно. Человек понимает и осознает лишь то, что может адекватно назвать, и в зависимости от того, как называет, определенным образом воспринимает мир и себя как часть этого мира.

Обозначения лица занимают важное место в системе языка. Это естественно, поскольку человек образует одну из центральных систем объективной действительности. Язык, являясь продуктом человеческого мышления и познания, в свою очередь направлен на отражение объективной действительности, и потому в нем находят свое опосредованное выражение знания человека об окружающем нас мире, в частности знания о самом человеке (Катермина 2016).

Номинация персонажа включает как традиционно понимаемые номинации, так и именованя–характеристики, под которыми понимаются одиночные номинации–предикаты, именованя–сочетания, а также наименованя–предложения.

В художественном тексте реализуется *прямая номинация*, позволяющая исследовать основные параметры человека и выводящая на общие, универсальные признаки языковой личности, и *номинация в контексте* (контекстные приращенные значения), в которой закрепляются прежде всего особенности взаимоотношений человека и общества.

Путем сплошной выборки из произведений Н.В. Гоголя и Ч. Диккенса нами был определен понятийный аппарат, который позволил определить важность судебной системы для обеих стран, а также увидеть видение языковой личностью автора особенностей данной системы.

Важность судебного аппарата и, в частности, его чиновников, определяется достаточно большим количеством анализируемых единиц номинации (50 русских и 60 английских единиц).

На основании результатов исследования произведений Ч. Диккенса можно утверждать, что в свободных сочетаниях, встречающихся в художественных текстах данного автора, английский суд представлен многочисленными судебскими чиновниками – **юристами, адвокатами**:

*«It was forced upon me», said Mortimer, «because it was understood that we wanted a **solicitor** in the family» (Our Mutual Friend). – Мне эту профессию навязали, сказал Мортимер, – потому что считалось, что у нас в семье должен быть **адвокат** (Наш общий друг).*

*...Mr. Prosee **the eminent counsel**... (The Posthumous Papers of the Pickwick Club). – ...мистер Прози, **известный адвокат**... (Посмертные записки Пиквикского клуба).*

Ч.Диккенс, как свидетельствуют рассматриваемые ниже примеры, отразил уродливость английского «правосудия», немаловажным элементом которого является организация адвокатуры.

Атторней

(должностное лицо, выполняющее функции обвинителя или защитника)

«Nay, nay, my dear sir», remonstrated **the little attorney**, seizing him by the button (*The Posthumous Papers of the Pickwick Club*). – Ну-ну, уважаемый сэр, – запротестовал **маленький юрист**, удерживая его за пуговицу... (Посмертные записки Пиквикского клуба).

Барристер (адвокат высшего ранга, имеющий право выступать во всех судах)

Although **an infant barrister**, he was a full-grown man (*The Posthumous Papers of the Pickwick Club*). – Этот **младенец-адвокат** был вполне зрелым человеком (Посмертные записки Пиквикского клуба)

Сарджент (ученый адвокат, королевский юрисконсульт)

...that **Serjeant Snabbin** leads the court by the nose (*The Posthumous Papers of the Pickwick Club*). – ...**королевский юрисконсульт Снаббин** вертит судом как хочет (Посмертные записки Пиквикского клуба).

Подобная разветвленность в номинации адвокатов отражает особенность английской судебной системы и специфику языковой картины мира.

Как свидетельствует анализ художественных произведений Ч.Диккенса, свободными сочетаниями представлена и номинация судей:

Mr. Justice Stareleigh was a most particularly short man (*The Posthumous Papers of the Pickwick Club*). – **Судья Стейрли** был чрезвычайно маленького роста (Посмертные записки Пиквикского клуба).

Now George Nupkins... **the principal magistrate**, was as grand a personage... (*The Posthumous Papers of the Pickwick Club*). – Джордж Нупкинс... упоминаемый выше **главный судья**, был самой величественной особой (Посмертные записки Пиквикского клуба).

Отличительной характеристикой судейства, по нашему мнению, можно назвать **особую форму одежды и специальное обращение к судье**:

The gentleman in the bag wig opened the door almost directly and requested Mr. Kenge to come in (*Bleak House*). – **Судейский в парике** почти тотчас же распахнул дверь и пригласил мистера Кенджа войти (Холодный дом).

«I never see such an out-and-out young wagabond, **your worship**», observed the officer with a grin (*The Adventures of Oliver Twist*). – – Никогда я не видал такого прожженного молодого бродяги, **ваша честь**, – усмехаясь, заметил полицмен (Приключения Оливера Твиста).

Более низкую ступеньку занимают различные **клерки**:

At this **the Serjeant's clerk** laughed again (*The Posthumous Papers of the Pickwick Club*). – Тут **клерк королевского юрисконсульта** засмеялся снова (Посмертные записки Пиквикского клуба).

...and led the way into the office of the **judge's clerk** (*The Posthumous Papers of the Pickwick Club*). – ...и вошел в канцелярию, где находился **клерк судьи** (Посмертные записки Пиквикского клуба).

«Важная» роль клерков показана в контексте:

«Yes», said the barrister's clerk... «and the best of it is, that as nobody alive except myself can read the Serjeant's writing, they are obliged to wait for the opinions, when he has given them, till I have copied'em, ha-ha-ha» (The Posthumous Papers of the Pickwick Club). – Да, – отозвался адвокатский клерк... А лучше всего то, что никто на свете, кроме меня, не разбирает почерка королевского юрисконсульта, и, следовательно, все должны ждать заключения... до тех пор, пока я не перепису. Ха-ха-ха (Посмертные записки Пиквикского клуба).

На процессе можно встретить судебных приставов, восстанавливающих тишину и порядок, а также истцов и ответчиков:

... the officer on the floor of the court called out «Silence!» in a commanding tone, upon which another officer in the gallery cried «Silence!» (The Posthumous Papers of the Pickwick Club). – ...судебный пристав в зале повелительно крикнул: «Тише!» – после чего другой пристав на галерее возгласил гневно: «Тише!» (Посмертные записки Пиквикского клуба).

«The plaintiff, gentlemen», continued Serjeant Buzfuz, in a soft and melancholy voice, «the plaintiff is a widow» (The Posthumous Papers of the Pickwick Club). – Истица, джентльмены, – продолжал королевский юрисконсульт Базфаз мягким и меланхолическим голосом, – истица – вдова (Посмертные записки Пиквикского клуба).

«This man was Pickwick – Pickwick, the defendant» (The Posthumous Papers of the Pickwick Club). – Этот человек был Пиквик – Пиквик, ответчик (Посмертные записки Пиквикского клуба).

В процессе изучения текстов художественной литературы установлено, что в произведениях Н.В. Гоголя используются юридические единицы как в прямой номинации, так и в номинации контексте. В некоторых случаях автор сочетает в себе оба контекста для придания более яркого и живого сатирического описания.

Так, например, метонимическое употребление единицы «Фемида» (Фемида – богиня правосудия) в сочетании с приемом олицетворения создает сатирический эффект и способствует отражению национально-культурного видения мира отдельной языковой личностью.

Фемида просто, какова есть, в negligee и халате принимала гостей (Мертвые души).

Из окон второго и третьего этажа высывались неподкупные головы жрецов Фемиды и в ту же минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник (Мертвые души).

В последнем примере, благодаря эпитету «неподкупный», также создается сатирический эффект, указывающий на праздное любопытство чиновников. Данный ситуативный контекст позволяет говорить о контекстном приращении значения.

Наряду с «праздным любопытством» можно выделить такие приращенные значения, которые получают юридические номинации, как «взятничество» и «опытность и изворотливость»:

Судья вышел из присутствия в сопровождении подсудка и секретаря, а канцелярские укладывали в мешок нанесенных просителями кур, яиц, краях хлеба, пирогов,

книшей и прочего дрязгу... (Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем).

...за него все делает стряпчий Золотуха, первейший хапуга в мире (Мертвые души).

«Взяточнический» характер судьи подчеркивается перечислением «подарков», которые он получил от просителей, а также эпитетом «хапуга».

*Этот юрисконсульт был **опытности необыкновенной**. Уже 15 лет, как он находился под судом, и так умел распорядиться, что никак нельзя было отрешить его от должности. Все знали его, за **подвиги его следовало бы шесть раз уже послать на поселенье** (Мертвые души).*

«Опытность» судейских чиновников также достигается контекстуально – в приведенном выше примере описывается изворотливость судейского чиновника, его умение пользоваться ситуацией в своих интересах.

Несмотря на то, что в произведениях Н.В. Гоголя, в отличие от творчества Ч. Диккенса, выделяются приращенные юридические номинации, также можно констатировать и наличие прямой номинации.

***Судья** сидел, не говоря ни слова; секретарь нюхал табак (Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем).*

*...бедный **прокурор** поворачивал на все стороны свои густые брови, как бы придумывая средство выбраться из этого дружеского подручного путешествия (Мертвые души).*

*...полицеймейстер и **прокурор** чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки... (Мертвые души).*

*– **Заседатель**, чтоб ему не довелось обтирать губ после панской сливянки, отвел для ярмарки проклятое место, на котором, хоть тресни, ни зерна не спустишь (Сорочинская ярмарка).*

*Если бы в это время проезжал сорочинский **заседатель** на тройке обывательских лошадей... то он бы, верно, заметил ее, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнет (Ночь перед Рождеством).*

Тем не менее, в отличие от английской судебной системы, иерархически показанной Ч. Диккенсом, в произведениях Н.В. Гоголя преобладают номинации судей, прокуроров, заседателей и стряпчих, что в свою очередь отражает особенности русской судебной системы.

Выводы

Итак, творчество писателя, его авторская личность, его герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нем и через него могут быть постигнуты. У писателя есть свой взгляд на действительность, известная ее концепция. И этот взгляд, эта концепция обуславливают принцип отбора и трансформации жизненного материала при создании произведения искусства.

Важность номинации, поиска вербального соответствия тому или иному факту действительности для познания окружающего мира и осознания себя в нем

переоценить трудно. Человек понимает и осознает лишь то, что может адекватно назвать, и в зависимости от того, как называет, определенным образом воспринимает мир и себя как часть этого мира.

Наименование лица, как свидетельствует анализ его семантики и функционирования, занимает особое положение в системе языка, так как оно номинирует субъект языкового общения.

Было подчеркнуто, что в произведениях Н.В. Гоголя и Ч. Диккенса присутствует нейтральная номинация чиновников, называющая в основном работников суда и отражающая особенности русской и английской судебной систем.

В произведениях Н.В. Гоголя и Ч. Диккенса в контекстных приращенных значениях при раскрытии особенностей юридических номинаций описывается «важность» и «значительность» клерков, обличаются морально-нравственные пороки людей, имеющих власть.

Юридические номинации представляют собой особый культурный феномен, что получает свое выражение в художественном тексте в виде прямых номинаций, а также номинаций в контексте. К основным стилистическим приемам, используемым авторами, можно отнести метонимию, олицетворение и эпитет.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАХТИН, М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб: Азбугка, 2000.
- БЕЛИНСКИЙ, В.Г. Письмо к Гоголю. М.: Наука, 1956.
- БОГИН, Г.И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986.
- БОГИН, Г.И. Уровни и компоненты речевой способности. Калинин: КГУ 1975.
- БОЛОТНОВА, Н.С. Филологический анализ текста. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2004.
- ВЕРШИННИНА, Н.Л., ВОЛГОВА, Е.В., ИЛЮШИН, А.А. Введение в литературоведение. М.: Изд-во Оникс, 2005.
- ВИНОКУР, Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.
- ГОГОЛЬ, Н.В. Собрание сочинений в 7 т. М.: Художественная литература, 1966-1968.
- ГУС, М.С. Живая Россия и «Мертвые души». М.: Советский писатель, 1981.
- ДИККЕНС, Ч. Собрание сочинений в 30 т. М.: Художественная литература, 1957-1963.
- ЕЛИСТРАТОВА, А.А. Гоголь и проблема западноевропейского романа (поэма «Мертвые души»). М.: Наука, 1972.
- КАРАУЛОВ, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- КАРАТСКИЙ, И.М. Диккенс. М.: Советский писатель, 1920.
- КАТЕРМИНА, В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). М.: Флинта, 2016.
- МАНН, Ю.В. Поэтика Гоголя. Л.: Художественная литература, 1988.
- НИКОЛИНА, Н.А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003.
- ПОЦЕПНЯ, Д.М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1987.
- СИЛЬМАН, Т. Диккенс. Очерки творчества. Л.: Художественная литература, 1970.

- СУХИХ, С.А., ЗЕЛЕНСКАЯ, В.В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализации. Краснодар: КубГУ, 1997.
- УРНОВ, Д.М. «Живое описание» (Гоголь и Диккенс) // Гоголь и мировая литература. М.: Наука, 1988.
- ХРАПЧЕНКО, М.Б. Творчество Гоголя. М.: Советский писатель, 1959.
- ШМЕЛЕВ, Д.Н. Слово и образ. М.: Наука, 1961.
- ЭЛЬСБЕРГ, Я. Е. Наследие Гоголя Щедрина и советская сатира. М.: Советский писатель, 1954.
- DICKENS, CH. The Complete Works of Charles Dickens in 30 volumes. Kindle. ePub, 2009.

BIBLIOGRAPHY

- BAKHTIN, M.M. (2000): Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. Azbuka. SANKT-PETERBURG
- BELINSKIJ, V.G. (1956): Pis'mo k Gogolyu. Nauka. MOSKVA
- BOGIN, G.I. (1986): Tipologiya ponimaniya teksta. KGU. KALININ.
- BOGIN, G.I. (1975): Urovni i komponenty rechevoj sposobnosti. KGU. KALININ
- BOLOTNOVA, N.S. (2004): Filologicheskij analiz teksta. Izd-vo Tomskogo gos. ped. un-ta. TOMSK.
- DICKENS, CH. (1957-1963): Sobranie sochineniy v 30 tomakh. Khudozhestvennaya literatura. MOSKVA.
- DICKENS, CH. (2009): The Complete Works of Charles Dickens in 30 volumes. Kindle. ePub.
- EL'SBERG, YA.E. (1954): Nasledie Gogolya i Shchedrina i sovetskaya satira. Sovetskij pisatel'. MOSKVA.
- ELISTRATOVA, A.A. (1972): Gogol' i problema zapadnoevropejskogo romana (poehma «Mertvye dushi»). Nauka. MOSKVA
- GOGOL, N.V. (1966-1968): Sobranie sochineniy v 7 tomakh. Khudozhestvennaya literatura. MOSKVA.
- GUS, M.S. (1981): Zhivaya Rossiya i «Mertvye dushi». Sovetskij pisatel'. MOSKVA.
- KARAULOV, YU.N. (1987): Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. Nauka. MOSKVA.
- KATARSKIJ, I.M. (1950): Dikpens. Sovetskij pisatel'. MOSKVA.
- KATERMINA, V.V. (2016): Nominacii cheloveka: nacional'no-kul'turnyj aspekt (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov). Flinta. MOSKVA.
- KHRAPCHENKO, M.B. (1959): Tvorchestvo Gogolya. Sovetskij pisatel'. Moskva.
- MANN, YU.V. (1988): Poetika Gogolya. Khudozhestvennaya literatura. LENINGRAD.
- NIKOLINA, N.A. (2003): Filologicheskij analiz teksta. Academia. MOSKVA.
- POCEPNYA, D.M. (1987): Obraz mira v slove pisatelya. Izd-vo S- Peterburg. un-ta. SANKT-PETERBURG
- SHMELEV, D. N. (1964): Slovo i obraz. Nauka. MOSKVA.
- SIL'MAN, T. (1970): Dikpens. Ocherki tvorchestva. Khudozhestvennaya literatura. LENINGRAD.
- SUKHIKH, S.A., ZELENSKAYA, V.V. (1997): Rerezentativnaya sushchnost' lichnosti v kommunikativnom aspekte realizacij. KubGU. KRASNODAR.

- URNOV, D.M. (1988): “Zhivoe opisanie» (Gogol' i Dikkens).” V kn.: Gogol' i mirovaya literatura, Nauka, Moskva.
- VERSHININA, N.L., VOLKOVA, E.V., ILYUSHIN, A.A. (2005): Vvedenie v literaturovedenie. Izdatel'stvo Oniks. Moskva.
- VINOKUR, G.O. (1959): Izbrannye raboty po russkomu yazyku. Uchpedgiz. MOSKVA.
- URNOV, D.M. (1988): “ZHivoe opisanie» (Gogol' i Dikkens).” V kn.: Gogol' i mirovaya literatura, Nauka, Moskva.
- HRAPCHENKO, M.B. (1959): Tvorchestvo Gogolya. Sovetskij pisatel'. Moskva.
- SHMELEV, D. N. (1964): Slovo i obraz. Nauka. MOSKVA.
- EL'SBERG, YA.E. (1954): Nasledie Gogolya i SHCHedriny i sovetskaya satira. Sovetskij pisatel'. MOSKVA.
- DICKENS, CH. (2009): The Complete Works of Charles Dickens in 30 volumes. Kindle. ePub.